

Караван К.А., Лесова Н.С.

ПРОБЛЕМА "БЕГСТВА" ИЗ ОБЩЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(на материале произведений М.–Г. Ле Клезю и М. Турнье)

Известно, что в различные исторические эпохи предлагались новые трактовки проблематики отношения человека и общества, существовал разный подход к вопросу о влиянии цивилизации на образ жизни людей.

Еще со времен Средневековья многие пытались убежать от окружающей их реальности, и каждый сам выбирал свой путь. Переломным моментом в развитии исследуемой проблемы считается открытие европейцами Америки в эпоху Великих географических открытий, повлекшее за собой возникновение во французской литературе мотива бегства от повседневной жизни.

Проблема роли и места человека в современном мире является одной из самых важных в наши дни, когда все сферы жизни подчинены техническим средствам и критериям, когда человека превращают в объект, вынуждают к пассивности, когда возможности вмешательства в природу человека становятся неограниченными, а все духовные ценности теряют свое значение.

Актуальность проведенного исследования связана с возможностью по-новому взглянуть на проблему «бегства» человека из общества через творчество французских писателей второй половины XX века.

Открытие Нового Света, ставшее знаковым событием эпохи Великих географических открытий, является, на наш взгляд, важнейшим переломным моментом в развитии западноевропейской цивилизации и человечества в целом, который произвел впечатление не только на политиков и ученых, но также на писателей, художников, деятелей культуры. Образ Нового Света приобретает ярко выраженное символическое значение. Именно Северная и Южная Америка с момента своего открытия сразу же были противопоставлены Европе, как «Старому» Свету. С ними связывались идеи омоложения, нового рождения человечества, очищения от груза грехов, накопленных за многие столетия европейской историей. Тогда же возникает образ Америки как убежища и тема бегства в Новый Свет из порочного «Старого Света». Люди мечтали о появлении новой, более прекрасной Франции.

В середине XVIII века сентиментализм производит переворот во французском романе. Сентименталисты, вдохновителем которых был Жан-Жак Руссо, в своем творчестве особенно внимательны к природе – ее внешнему облику и процессам, происходящим в ней – и эмоциональной жизни человека. Руссо утверждал, что цивилизация встает на пути природной добродетели «естественного человека», «благородного дикаря».

XIX век наполнен невероятной энергией и непредсказуемой игрой обстоятельств, с которыми приходится сталкиваться человеку в условиях социальной нестабильности, в условиях активного перераспределения сфер духовной деятельности и возрастания общественной значимости искусства, особенно литературы. Романтизм абстрагируется от мира реальности и создает свой собственный, в котором существуют другие законы, другие чувства, слова, другие желания и понятия. Романтик стремится уйти от повседневности, но, возвращаясь в нее, писатель (а с ним и читатель) открывает необычное чувство бегства в себя, всегда сохраняя вечно манящий образ бесконечной устремленности в идеальное. Перефразируя Гоббса, можно сказать, что обещание счастья предполагает желания большего, а у романтиков это чувство не просто присутствует, оно до предела обострено.

Существенной особенностью художественного сознания на рубеже 19–20 веков было широко сказавшееся на нем влияние декаданса. Одним из источников декадентского комплекса был антагонизм искусства и буржуазного общества. Возникший на этой основе комплекс идей и настроений суммарно сводился к эскапизму, к желанию уйти от ненавистной социально-исторической действительности, противопоставив ей другую систему ценностей, другой альтернативный мир. Почти все характерные черты подобного умонастроения – вплоть до таких моментов, как повышенный интерес к аномальному и болезненному, как влечение ко всему исключительному и экзотическому, как презрение к общепринятым понятиям морали, – почти все эти черты являлись, таким образом, прямо выраженными или претворенными формами эскапизма.

Писатели-модернисты или уводят читателя от больших общественных процессов, совершающихся в реальном мире, к процессам, происходящим в сознании и подсознании человека (Пруст); или обесценивают реальность, подчеркивая беспорядок, бессмысленность, фальшь и аморальность, якобы господствующие в мире; одновременно они выдвигают иррациональные, непостижимые области человеческой души, в противовес ясности и логике, на которых основаны произведения реалистической литературы (Андре Жид); или, наконец, подменяют конкретные социальные конфликты жизни абстрактной враждебностью «судьбы»; в этом случае мы присутствуем при безмерном расширении индивидуализма вместе с отказом от изучения и воспроизведения объективных человеческих характеров в искусстве (Мальро).

Экзистенциализм, возникший в период общей беспокойности и войн, отражает самочувствие человека, поставленного между жизнью и смертью, бытием и небытием. В философии экзистенциализма выражалось общее мировосприятие людей того времени: чувство упадка, бессмысленности всего происходящего.

Изучение этого философского и литературного направления интересно своей теоретической установкой: человек познает себя через свое существование (экзистенцию). Чтобы понять смысл жизни,

обрести свободу, человек должен освободиться от господствующих ценностей, норм и установок. Освобождение происходит в «пограничной ситуации»: перед лицом смерти, в страданиях, через чувство вины, в борьбе.

Так, Камю видит единственный способ в противостоянии абсурду – бунт. Но бунта не будет, если нет чувства правоты. Автор постоянно ищет в человеке те силы, которые могут поднять его на борьбу и находит такие силы в моральной природе человека. Совершенно иным представляется видение Сартра разрешения этого вопроса. Он отказывается выбираться из этого хаотического мира, полного беспорядка и дисгармонии. Отстраниться от реальности, отвергнуть ее – это и есть в личности специфически человеческое.

Одной из разновидностей «литературы бегства» от современной жизни можно считать произведения, призывающие уйти не только от сегодняшней урбанизированной действительности, но и вообще от цивилизации как таковой. Они воспевают мир, где люди как бы слиты с природой в единое целое. Именно в тот период во французской литературе появляется огромный интерес к творчеству Жана Жионо, которого признавали «певцом земли», примитивной крестьянской жизни на лоне природы, вдали от шумных и душных городов.

Творчество Ле Клезио занимает особое место в современной литературе Франции, и хотя его формально относят к литературе «великого отказа», сам он не тяготеет к какой-либо школе или традиции.

В творчестве Ле Клезио традиции французской литературы никогда не были единственным источником его вдохновения, его увлекала вся мировая культура. Причину своего ухода от европейской литературной традиции он объяснял неприятием рациональности Запада: «Западная культура стала слишком монолитной. Она бесконечно концентрируется на урбанистических темах и технике, мешая развитию таких форм выражения, как религиозность и чувства, например. Вся непроницаемая часть человеческой души отвергается во имя рационализма. Именно понимание этого обратило меня к иным цивилизациям.» [1, с.96]

Все творчество Ле Клезио – это одна большая битва против города, против одиночества, против насильственной потери естественности. В романе «Война» в 1970 году он пишет, что за «экстазом материального» следует «тотальное царство количества. Нет больше индивидуального мышления, нет больше желаний. Царство множественного числа вещей неустанно разрушает одиночество». [2, с.82] В этом царстве люди появляются не по очереди, один за другим, но идут шквалом, потоком. Люди, которые никогда не познакомятся друг с другом. Дома там, как могилы, «гиганты с раскрытыми глазами, которые поглощают все» [2, с.82]. Города, постоянно манящие к себе новых жителей, в действительности одинаково однообразны и скучны: «Разве не похожи все эти города? Они – эти улицы, перекрестки, едущие машины, ищущие друг друга взгляды» [2, с. 83. Писатель предупреждает о губительном влиянии системности жизни : «Принципы, системы – это оружие для борьбы с жизнью» [2, с. 87]

Неверие в возможности западной цивилизации вынуждает Ле Клезио уйти от нее, искать путь к спасению в незнакомой для европейца среде. Роман «Пустыня» («Désert», 1980), за который автор получил литературную премию Поля Морана, повествует о столкновении двух миров, двух культур, противоположных по своей ценностной ориентации, по своему мироощущению, поведенческим, этическим и эстетическим нормам. Обратим внимание на то, что название романа – «Désert» – не содержит артикля: пустыня у Ле Клезио – это существо одушевленное и неповторимое. Образ пустыни становится особым культурным кодом, вбирающим в себя ту «естественную» систему ценностей, которая утрачена цивилизацией, современным материалистическим, механистическим и бездуховным миром. Здесь сосредоточена вся суть философии писателя – преданность земле и скептическое отношение к социальному существу. Ле Клезио рассказывает историю проклятого и одновременно мифического места – пустыни. Он ведет два пересекающихся повествования – о двух подростках, которые в разные временные периоды, но в одном и том же месте борются за то, чтобы выбраться, наконец, из окружающей их реальности. Они ведут внутреннюю борьбу за то, чтобы обрести в конечном итоге свой земной горизонт, которым для них станут бесконечные просторы моря и пески пустыни.

При изучении поставленной проблемы важно отметить особое отношение писателя к культуре американских индейцев, так как подобное «бегство» от западного мира наглядно демонстрирует его неверие в возможности современного ему общества. Традиции первобытных племен помогают автору найти выход из сложившейся кризисной ситуации, культурное наследие этих народов питает его вдохновение. Ле Клезио категорично заявляет: «Не очень понимаю, как такое может быть, но это верно – я индеец» [2, с.28]. Любовь к индейцам–аборигенам проявилась в авторе в ранней молодости, особенно она укрепилась во время, когда он жил в индейском племени в Панаме: «Для меня жизнь с индейцами Панамы была возможностью встретиться с последними свободными людьми. И я думаю, что пока это все еще возможно, нужно стараться пройти через этот опыт. Они последние свободные люди, потому что мы – рабы, это совершенно ясно. Мы живем жизнью рабов в мире рабов. А племя индейцев Панамы – до сих пор сохранило свободу и они знают то, что было доступно свободным людям. Кое-кто пытается это знание у них вырвать. <...> Но я не уверен в том, что этот опыт хоть чего-то стоит, то есть я не уверен в том, что это знание сможет уцелеть, потому что совершенно ясно, что современное общество пытается уничтожить тот тип знаний. Так что это было самое ценное в моей жизни, жизни на земле, паломничество. При всем при том я и знаю, что этот способ существования – обречен. Это, если угодно, констатация (тлеющей) войны: мира рабов против мира свободных людей. И интуиция подсказывает мне, что этот (свободный) мир мало-помалу уничтожается. И невозможно не испытывать боль, наблюдая, как разрушается свобода...» [2, с. 42].

Его книги, все, как одна, – превозносят жизнь, красоту этого мира, простоту индейцев, в них ощущается ратование за чувственные знания в противовес интеллектуальным, за очищение человеческого языка от «свинцового веса слов», сближение его с языком ветра, насекомых, птиц, воды. Подобно Робинзону Турнье

ПРОБЛЕМА "БЕГСТВА" ИЗ ОБЩЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (на материале произведений М.–Г. Ле Клезю и М. Турнье)

из книги "Пятница, или Лимбы Тихого океана" Ле Клезю призывает к истинному единению с землей, с естественным началом [3, с. 204].

Известный французский автор, Мишель Турнье, получил глубокое и всестороннее философское образование, прекрасно знает античную, средневековую и современную классическую философию.

Знаменитый этнограф Клод Леви–Стросс оказал влияние не только на философские воззрения Мишеля Турнье, но и на всё творчество будущего писателя. Миф всегда был дидактическим средством для философов, которые пользовались реальностями, заимствованными в повседневной жизни, чтобы поведать о другой реальности – невидимой. Содержание произведений Турнье напоминает «матрешки», каждая из которых, как монада в философской концепции Лейбница, заключает в себе другую [8, с. 82].

Отсюда многомерность сюжета, развитие его по спирали, репризы, отголоски, инверсии тем и образов. Так же как в мифе или фуге, чтение романов Турнье предполагает их восприятие диахронически и синхронически. Любой персонаж или сюжетная коллизия являет собой иносказание, символ. В его романах ставятся глубокие общечеловеческие проблемы, делающие Мишеля Турнье не только выдающимся философом, но и новым гуманистом [9, с.43].

Писатель, объясняя, почему он почти всегда пишет на известные сюжеты, сказал, что его увлекает процесс игры, которую он ведет с читателем, с одной стороны, почти буквально воспроизводя хорошо знакомую историю, а с другой – полностью ее переосмысляя. Так и в примере с Робинзоном (роман «Пятница, или Лимбы Тихого океана») читатель не отвлекается на известный сюжет, а заостряет свое внимание на различиях.

М.Турнье, отмечая существование более десяти «робинзонад», считает, что наиболее близкой к оригиналу является его версия, в которую он вносит «маленькие отличия» постепенно, но верно ведущие его к абсолютно иному содержанию. Он следует классической схеме, но если Дефо прославляет разум, то Турнье основное внимание концентрирует на духовном совершенствовании Робинзона, главную роль в котором играет Пятница. «Если бы в романе «Пятница» было посвящение, – пишет Турнье в своем автобиографическом эссе «Святой дух», – то я посвятил бы эту книгу<...> всем этим Пятницам, посланным нам третьим миром <...>. Они должны всему учиться у нас, и прежде всего – научиться говорить на цивилизованном языке,<...> они должны научиться культурно себя вести, а главное – не докучать тупым и ограниченным Робинзонам, т.е. нам» [10, с. 69–72]. Для Дефо Пятница – дикарь, варвар, ждущий своего «очеловечивания» от буржуа Робинзона, которому и в голову не приходит мысль о том, что он сам может чему–нибудь научиться у аборигена, для которого в жизни на острове нет ничего необычного. По мнению же Турнье, «дикарей не существует, а есть люди, которые относятся к цивилизации, отличной от нашей, и которую нам было бы полезно изучить» [11, с. 36]. Такая мысль не могла бы никому прийти в голову до «эры этнографии». Таким образом, новое отношение к Пятнице – это отношение XX века: до современной эпохи крушения колониальных империй главным лицом в романе Дефо был Робинзон – представитель высшей цивилизованной расы, хотя, по мнению Турнье, величайшим изобретением английского просветителя был именно Пятница, который и становится главным героем романа XX века.

Образ Пятницы складывается у Турнье под непосредственным влиянием идей Клода Леви–Стросса, этнолога и этнографа, прославившегося своим структурным анализом мифов. По мнению ученого, первобытное мышление – не более низкое, чем современное. Это мышление, построенное на цепи бесконечных трансформаций, в основе которого лежит метафора. М. Турнье считает, что через миф происходит переход от метафизики к роману: взяв за основу структуру романа Дефо, он придает этому мифу совсем иной смысл. Важнейшим моментом в первобытном мировоззрении является осмысление таких резких противоречий как природа и культура, жизнь и смерть, а также стремление снять их антагонизм. Первобытное мышление не только отражает мир, но и стремится представить его более гармоничным. [12, с. 46]

Именно к такому гармоничному постижению мира приводит Турнье своего Робинзона, который под влиянием Пятницы проходит ряд важных трансформаций. Еще до появления Пятницы Робинзон смутно ощущает смехотворность установленных им правил, но существование другой жизни – свободной и гармоничной – открывается перед ним только с появлением чернокожего спутника. Пятница, соблюдая внешне все предписания своего господина, остается внутренне свободным, на своей части острова он устанавливает «порядок наоборот». Когда Робинзон видит кустарники, вырванные из почвы и посаженные Пятницей корнями вверх, он осознает, что именно этим занимался и он сам, пытаясь заменить естественный ход вещей искусственным. Он понимает, что попытка заставить природу жить по законам человека бессмысленна и безумна.

Робинзон останавливает время в тот момент, когда погружается в грот на острове, как в утробе матери. Природа как бы вынашивает его в своем чреве, подготавливая рождение «нового человека», свободного от условностей цивилизации и общества. Вместо зрелого буржуа Робинзона на свет появляется невинный младенец – «естественный человек», живущий в гармонии с самим собой и природой.

Если Дефо в своем романе прославлял человеческий разум и способности, то Турнье, наоборот, обесценивает его, противопоставляя ему сердце, душу. В своем дневнике Робинзон Дефо записывает в основном свои дела и достижения, говорит о практическом, полезном с точки зрения здравого смысла. Робинзон Турнье тоже ведет дневник, но в нем он поднимает в основном философские проблемы человеческого существования, совершенствования духа. Его дневник – история души, которую прежде подавлял разум, утилитаризм, и которая рождается с приобщением к природному, естественному. Первый

период своего пребывания на острове Робинзон называет «земным», затем он приобщается к «воздуху», и, в конце концов, приходит к прославлению «солнца», культ которого характерен для всех первобытных людей. По воле автора, Робинзон возвращается к пантеизму древних, к истокам развития цивилизации, сознательно отказываясь идти вперед, эволюционировать и прогрессировать. Он воспаряет в «лимбы», вневременные, населенные безгрешными душами, лимбы Тихого океана. [13, с.38].

Робинзон страдает от одиночества на необитаемом острове, но человек не менее одинок и в обществе себе подобных. «Это все возрастающее чувство одиночества является самой злокачественной язвой человека современного запада» [12, с.104], – пишет Турнье. Следовательно, чувство одиночества возникает именно с развитием цивилизации. Появление Пятницы не избавляет Робинзона от одиночества – он по-прежнему одинок в своей душе, и только когда он становится «естественным человеком», то есть сливается с природой, то перестает быть одиноким: дикарям неведомо это ощущение, как писал еще Жан-Жак Руссо, что наглядно демонстрирует Пятница, а вслед за ним и Робинзон.

Как альтернативу жизни в современном цивилизованном обществе, автор предлагает «бегство» в живую природу, конечной целью которого станет рождение «естественного человека». Только таким путем, по мнению Турнье, люди могут освободиться от «комплексов» западной цивилизации, родиться заново, чтобы с новой силой ощутить все прелести жизни человека в естественной среде, найти гармонию с окружающим миром.

Источники и литература

1. Ominus J. Pour lire Le Clézio.–P. : Presses universitaires de France, 1994. – 218 с.
2. Esine L.–L. Les écrivains sur la selette.–Paris, 1981. – 167 с.
3. De Beaumarchais J.–P., Couty D. Dictionnaire «Grandes oeuvres de la littérature française».–P.: Larousse, 1997. – 628 с.
4. Горнфельд А.Г. Романы и романисты. – М.: Федерация, 1987. – 284 с.
5. Чавда П. Роман сегодня. – М.: Прогресс, 1975. – 254 с.
6. Колдфли Э. Каким будет роман грядущего. – М.: Прогресс, 1975. – 189с.
7. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М.: Рос.гос.гум.ун–т, 2001. – 289 с.
8. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998. – 327 с.
9. Уваров Ю.П. Современный французский роман (60–80 годы). – М., 1985. – 102 с.
10. Darcos X. Histoire de la littérature française. – P., 1992. – 528 с.
11. De Boisdeffre P. Les écrivains français d'aujourd'hui (1945–1995).–Vendôme : Presses universitaires de France, 1994. – 326 с.
12. Иностранная литература: ежемесячный лит.–худ. журнал – 1999 – №4. – С.24–46.

Кроча О.А., Жукова Л.К.

CDA MARKERS OF THE US 2008 PRESIDENTIAL CAMPAIGN

В данной статье прослеживаются принципы членения политического дискурса американской президентской кампании 2008 года на дискурс маркеры. Данная проблема является недостаточно изученной и представляет интерес в сфере политологии и социолнгвистики. Было выявлено, что для газетных статей, служащих практическим материалом в изучении поднятой проблемы, наиболее характерна так называемая оппозиция «мы» – «они», благодаря которой и происходит манипулятивное воздействие политического дискурса на читателя.

Critical Discourse Analysis (CDA) is an interdisciplinary approach to the study of discourse, which views "the language as a form of social practice" and focuses on the ways social and political domination is reproduced by text and talk. CDA developed within some disciplines in the humanities and social sciences, such as Critical Linguistics [1, 137]. According to Webster's dictionary, the concept **discourse** has two major meanings: (a) formal communication of thoughts about a serious subject through words (spoken or written) and (b) rationality or the ability to reason [2].

Norman Fairclough's Critical Discourse Analysis articulates a three-dimensional framework for studying discourse, "where the aim is to map three separate forms of analysis onto one another: analysis of (spoken or written) language texts, analysis of discourse practice (processes of text production, distribution and consumption) and analysis of discursive events as instances of sociocultural practice" [3]; [4, s. 25].

Fairclough notes "that language connects with the social through **being the primary domain of ideology**, and through being both a site of, and a stake in, struggles for power"articulates ideology as the basis of the social representations of groups, and more generally advocates a sociocognitive interface between social structures and discourse structures. Ruth Wodak emphasizes the importance of a historical dimension in critical discourse studies, as she also has shown in her work on racism and antisemitism. There is a new way for discourse to evolve, the so called "neocourse" [3].

Discourse analysis may be defined in the three main dimensions. 1. Concerned with language use beyond the boundaries of a sentence/utterance; 2. Concerned with the interrelationships between language and society and; 3. Concerned with the interactive or dialogic properties of everyday communication.

"The term discourse analysis refers to attempts of study the organisation of language above the sentence or above the clause, and therefore to the study of larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. It